

Лоу Вэйфэн был молод, полон сил и, отдохнув всего одну ночь, полностью восстановился.

Когда тело здорово, а дух бодр, язык не знает покоя.

Во время еды, стоило только Ло Чэнжэню опустить палочки в блюдо, как Лоу Вэйфэн тут же тянулся следом:

— Вкусно-то как! Всё-таки домашние повара лучшие.

Ло Чэнжэнь бросил на него косой взгляд и, не торопясь, продолжал есть:

— Во время еды не разговаривают.

Получив нагоняй, Лоу Вэйфэн заметно сник и принялся яростно поглощать рис — с таким усердием, будто собирался перекусить палочки пополам.

Ло Чэнжэнь подумал: хорошо, что в этом мире есть общие палочки, иначе я бы ни за что не позволил тебе прикасаться к моей еде. У человека с такой тягой к чистоте, как у него, вид чужих прикосновений к пище вызывал отвращение.

Быстро закончив трапезу, Лоу Вэйфэн принялся захлеб рассказывать о том, что повидал за полгода странствий.

Ло Чэнжэнь слушал, время от времени кивая, но, как и обещал, не проронил ни слова. Лишь когда с едой было покончено и он прополоскал рот, он начал давать оценку услышанному, предложив брату немало дельных советов.

Отдохнув после обеда, братья вместе отправились в кабинет Ло Чэнжэня.

— Отныне можешь приходить сюда читать книги. Если возникнут вопросы, а до меня будет недалеко, заходи — спрашивай.

Лоу Вэйфэн и мечтать не мог, что ему не только позволят переступить порог кабинета старшего брата, но и разрешат пользоваться его книгами.

Переполненный восторгом, он не удержался:

— Брат, ты это серьезно?

Ло Чэнжэнь невозмутимо кивнул:

— Разумеется.

Лоу Вэйфэн был настолько взволнован, что не находил слов. В голове всплыла фраза: благородный муж готов отдать жизнь за того, кто его понимает.

Раньше, читая исторические хроники, он недоумевал: зачем прославленные мужи жертвовали собой ради никчемных и трусливых правителей? Сегодня он понял — сам готов на подобный порыв.

Ло Чэнжэнь притворился, что не замечает горящего взгляда брата, и уткнулся в свитки.

Что значит войти в кабинет? Это ещё не делает тебя главой семьи. Пока он в этом мире, бразды правления останутся в его руках. Но рутину он с радостью переложит на плечи брата —

нельзя позволить делам клана поглотить его самого.

Жить в свое удовольствие, идти своим путем — вот истинное счастье.

Лоу Вэйфэн не привык сидеть без дела, он тут же схватил книгу. Встречая непонятные моменты, он, хоть и стеснялся, всё же обращался за разъяснениями к Ло Чэнжэню.

Ло Чэнжэнь, прошедший через множество миров и управлявший немалыми предприятиями, к тому же обладавший памятью Лоу Вэйнина, отвечал с легкостью.

Чем больше Лоу Вэйфэн узнавал, тем сильнее росло его восхищение братом и тем больше разгоралась жажда знаний. Он дал себе клятву: Я думал, что высоко ценю брата, но, оказывается, всё ещё недооценивал его. Я приложу все силы, чтобы догнать его, чтобы он мог со спокойной душой передать мне управление семейным делом и посвятить себя тому, что ему действительно по душе.

Спустя несколько дней Ло Чэнжэнь вернулся к привычному образу жизни — стал «начальником, который отдыхает».

Как главе семьи, ему и так было не нужно много делать, а предыдущая активность была лишь способом завоевать доверие.

За эти дни Лоу Вэйфэн начал что-то подозревать: кажется, он невольно угодил в ловушку брата. Как же он мог снова попасться! Глядя на поведение брата, он наконец понял: даже без него Ло Чэнжэнь мог бы содержать клан Ло в полном порядке.

Чем больше Лоу Вэйфэн осознавал хитроумный план брата, тем больше восхищался его мудростью и тем сильнее ценил его заботу.

Если бы не ради него, зачем старшему брату столько хлопот? Он мог бы просто выдать его замуж, выделить долю имущества и отправить восвояси.

Чувствуя такое внимание и искреннюю заботу, Лоу Вэйфэн, хоть и молчал, в душе стал уважать Ло Чэнжэня ещё сильнее.

В тот день Ло Чэнжэнь подбирал шапочки и одежки для своего нефритового яйца, попутно выслушивая отчет Лоу Вэйфэна об успехах в учебе.

Лоу Вэйфэн хоть и слышал, что брат любит возиться с яйцом, но до сих пор видел лишь результат. Сегодня же он впервые наблюдал за процессом «одевания», и этот визуальный удар был куда сильнее слухов.

Особенно учитывая, что человек, наряжающий игрушку словно маленькую девочку, был в его глазах воплощением всемогущества и силы. Контраст был разительным.

Вскоре Лоу Вэйфэн сбился с мысли. Заботясь о брате, он решил осторожно вмешаться:

— Брат, а это... весело? Не кажется ли тебе, что это немного не к месту?

Ло Чэнжэнь, не обращая внимания, натянул на Сяо И широкое темно-синее одеяние с длинными рукавами и водрузил на голову коричневую шапку. На его взгляд, Сяо И выглядел сегодня солидно и по-прежнему очаровательно.

Он поднял наряженного Сяо И и продемонстрировал брату. Под ошарашенным взглядом Лоу Вэйфэна Ло Чэнжэнь с гордостью спросил:

— Какая разница, что думают другие? Посмотри, я сам сшил эту одежду, разве он не выглядит великолепно?

Видя, что брат его совсем не слышит, Лоу Вэйфэн вспотел от неловкости. Этот странный наряд, эта шапка — всё выглядело нелепо! Но, заметив, что служанки вокруг сохраняют невозмутимый вид, он решил, что, возможно, это он сам слишком остро реагирует.

В этот момент в оранжерею вошел Лоу Си и поклонился:

— Хозяин, госпожа Линь прибыла.

Ло Чэнжэнь не спеша поднялся и с усмешкой посмотрел на смущенного визитом гостыи Лоу Вэйфэна:

— Думал, я забуду? Пойдем вместе, как раз сможешь разузнать то, что хотел.

Лоу Вэйфэн смутился ещё больше, но, охваченный любопытством, поспешил следом.

Госпожа Линь была известной в городе свахой, через неё заключались семь из десяти браков в богатых домах. Ло Чэнжэнь пригласил её, чтобы она помогла договориться с Поместьем Тан.

Госпожа Линь недавно вернулась из долгой поездки и, услышав о приглашении из Поместья Ло, обрадовалась, но, когда Ло Чэнжэнь заговорил о Тан Цань, третьей дочери из семьи Тан, её брови нахмурились.

— Не буду скрывать, господин Ло, месяц назад глава семьи Тан уже принял свадебный дар от семьи Цзинь. Я сама была посредником в этой сделке, так что... прошу прощения.

— Госпожа, вам не в чем себя винить. Это мы, братья, поставили вас в неловкое положение.

Обменявшись вежливостями, Ло Чэнжэнь попросил Лоу Си проводить гостью, а сам повернулся к брату, который был явно раздавлен этой новостью.

— Если ты действительно хочешь взять госпожу Тан в жены, выход есть. Но ты должен быть уверен: если она станет твоей, ты будешь заботиться о ней всю жизнь.

Сказав это, Ло Чэнжэнь сам удивился своим словам. Вероятно, под влиянием памяти он считал, что Лоу Вэйфэн и Тан Цань должны быть вместе. Прошлая жизнь подтверждала: их брак был счастливым и гармоничным.

О старшем сыне семьи Цзинь, Золотом слитке, Ло Чэнжэнь тоже был наслышан. Если сам Ло Чэнжэнь прославился в Наньчэне своей ленью, то Золотой слиток — своим распутством и любовью к борделям. Впрочем, в ту эпоху мужская распушенность не считалась чем-то из ряда вон выходящим, и лень Ло Чэнжэня осуждали куда сильнее.

Как бы то ни было, в глазах Ло Чэнжэня тот человек не был достойным мужем, и увести невесту из-под носа семьи Цзинь он мог без всяких угрызений совести. В конце концов, это была лишь помолвка, а не свадьба.

Больше его беспокоило поведение семьи Тан. Полгода назад он намекнул главе семьи Тан, что наследником станет Лоу Вэйфэн, и всё это время доказывал, что действительно отходит от дел. Такой проницательный делец, как Глава Тан, не мог этого не заметить. Почему же он отдал Тан Цань семье Цзинь?

Семья Цзинь была неплоха, но до уровня Поместья Ло им было далеко.

Лицо Лоу Вэйфэна помрачнело. Раньше он считал своим соперником самого брата, но после примирения, когда тот обещал помочь, он был уверен, что Тан Цань станет его женой. И вдруг — чужак опередил его.

Это было похоже на то, как если бы у него отняли жену, и любой мужчина счел бы это оскорблением. Но, услышав слова Ло Чэнжэня, он вдруг осознал: не то чтобы он не мог жить без Тан Цань, и он даже не был уверен, что сможет завоевать её сердце.

Всё, что было раньше, — не более чем юношеские мечтания. Должен ли он из-за своих грез преследовать девушку и подвергать её сплетням?

Если он так поступит, чем он будет отличаться от брата или Тан Тана, которых он так презирал?

Успокоившись, Лоу Вэйфэн с деланной беспечностью произнес:

— Значит, не судьба нам с госпожой Тан быть вместе. Брат, не нужно меня утешать. Раз господин Цзинь смог получить согласие её отца, значит, он чем-то лучше меня. Я буду лишь рад их счастью.

Ло Чэнжэнь не стал возражать. Чувства — дело обоюдное, и насильно их не привить.

— Хорошо, что ты это понимаешь. Настоящий мужчина не останется без жены, я уверен, ты найдешь ту, что будет лучше.

А вот счастлива ли будет Тан Цань — его уже не волновало. Раз семья Тан нарушила слово, данное клану Ло, отныне они — соперники, а не друзья.

Поместье Ло несколько лет не приглашало свах, и сегодняшний визит госпожи Линь стал сигналом: один из молодых господ готовится к свадьбе.

Родители незамужних девушек подходящего возраста затаили дыхание в надежде, что выбор падет на их дочерей. Те, кто только начал вести переговоры о других браках, кусали локти, упустив такой шанс.

Единственными, кто радовался, были в семье Тан.

Глава Тан погладил бороду и, обратившись к Тан Тану, сидевшему по правую руку, похвалил его:

— Хорошо, что ты предупредил меня. Если бы Цань-эр вышла за Лоу Вэйфэна, это было бы её несчастьем.

Тан Тан внутренне торжествовал, но сохранил скромный вид:

— Я просто не хотел, чтобы младшая сестра оказалась в плохих руках.

Глава Тан был доволен своим вторым сыном, который стал таким почтительным, и часто советовался с ним:

— Вэйнин — хороший малый, всё пытается проложить дорогу брату, но не знает, что тот уже за его спиной переманивает людей на свою сторону. В Поместье Ло почти никто, кроме управляющих, не слушает его. Когда Вэйнин поймет, что братья схлестнулись, неясно, кто выйдет победителем. Если бы Цань-эр оказалась в центре этой борьбы, нам было бы нелегко.

Тан Тан понимал: на самом деле отец просто слишком дорожил своей репутацией и не хотел выдавать дочь за младшего сына. Для него разница между законным наследником и сыном наложницы была как небо и земля. В прошлой жизни именно из-за гордыни отца его самого выгнали из дома и вычеркнули из родословной.

В этой жизни он заставит брата и сестру по отцу испытать то же самое.

Тан Тан поддакнул отцу:

— Выйдя за господина Цзинь, с нашей поддержкой, младшая сестра не узнает обид. Союз с семьей Цзинь сделает нас сильнее, и ни один из братьев Ло не посмеет нам перечить. Кто бы из них ни победил, им придется просить нас о помощи. Отец, вы так высоко цените Лоу Вэйнина, если поможете ему в нужный момент, он будет вам обязан.

Глава Тан не ожидал, что его собственные планы так легко прочитает младший сын. Он действительно собирался вмешаться в борьбу братьев, чтобы урвать кусок пирога. Если бы дочь была замужем за одним из них, он был бы скован обязательствами.

— Эх, если бы старший обладал твоим умом, мне не пришлось бы так волноваться, — вздохнул Глава Тан. Он очень беспокоился, что не сможет доверить семейное дело своему первенцу.

Тан Тан не принял это за комплимент, ответив ещё смиреннее:

— Старший брат честен и предан, мне до него далеко.

Эти слова пришлись по душе Главе Тан, и его тревоги рассеялись:

— Не скромничай, сын. Я знаю, что у вас обоих есть свои достоинства. Верю, что если вы будете действовать сообща, наша семья Тан превзойдет клан Ло.

— Буду помнить ваши наставления, отец.

Выйдя из кабинета, Тан Тан позволил себе самодовольную улыбку.

Помолвка Тан Цань с семьей Цзинь была его рук делом, основанным на знании характеров

отца и сестры.

Тан Цань, запертая в стенах дома, знала о мире лишь то, что ей рассказывали. Стоило ему упомянуть, что Лоу Вэйфэн когда-то бывал в борделях, как она тут же охладела к нему. К тому же, Лоу Вэйфэн — лишь побочный сын, а родители и так были к нему предвзяты. Вероятность их брака стала ничтожной.

А что касается Лоу Вэйнина, то о нем Тан Тан, конечно, отзывался лишь в превосходных тонах.

В любом случае, Лоу Вэйнин уже заявил, что не намерен жениться, а если даже передумает, отец не рискнет выдать за него дочь. Глава Тан суеверен и верит, что, нарушив клятву, Лоу Вэйнин недолго проживет. А он ни за что не отдаст свою драгоценную дочь в жены покойнику.

«Лоу Вэйфэн, наша война уже началась. Пока я здесь, тебе не видать ни Тан Цань, ни контроля над кланом Ло».

Как бы ни старался Лоу Вэйфэн сохранять хладнокровие, он был всего лишь двадцатилетним юношей, впервые столкнувшимся с сердечной неудачей. Весь день в конторе он не мог сосредоточиться ни на одной цифре.

С досады он снова отправился в беседку к Ло Чэнжэню.

— Брат, как тебе удалось отпустить всё это?

Лоу Вэйфэн уже не хотел жениться на Тан Цань, но гнетущее чувство не отпускало его.

Ло Чэнжэнь не любил Тан Тана и не поддавался его влиянию. Что до сердечных неудач — это было делом тысячелетней давности, он уже и не помнил, бросали ли его когда-нибудь. Впрочем, он был так хорош собой, что, скорее всего, он сам всегда был тем, кто уходит.

Впрочем, хвастаться этим перед братом не стоило, подумал Ло Чэнжэнь, любуясь собой.

Чтобы утешить юношу, он поделился опытом:

— Найди дело по душе, сосредоточься на чем-то другом, и ты увидишь, как быстро летит время.

Как он сам — тысячелетиями ждал Сяо И, коротая время за совершенствованием. А на заданиях находил себе развлечения, вроде создания одежды для Сяо И. Хоть это и выглядело глупо, было очень интересно.

— Брат имеет в виду резьбу по нефриту и шитье одежды для камней?

Лоу Вэйфэн помнил, что Лоу Вэйнин получил душевную травму, «упав» на Тан Тана. В любовь Тан Тана к брату он не верил, считая, что тот выкрикнул имя Вэйнина лишь из зависти.

А его брат с тех пор только и делал, что наряжал нефритовые яйца.

Ло Чэнжэнь бросил на него взгляд в духе «ты такой умный», взял кисть с красной тушью, нарисовал глаза и рот на новом нефритовом яйце и протянул брату:

— Возьми.

Лоу Вэйфэн неловко взял «нефритовый шар», выражение лица которого показалось ему странным. Он смиренно спросил:

— Брат, на что он смотрит?

Ло Чэнжэнь, не поднимая головы, ответил:

— Он сейчас в таком же замешательстве, как и ты. Гол как сокол, ему нужна одежда.

Он не признался, что нарисовал выражение «озадаченности», потому что лицо Лоу Вэйфэна передавало именно это чувство.

Лоу Вэйфэн не мог заставить себя наряжать камни, поэтому под благовидным предлогом поспешно ретировался.

Вернувшись в комнату, он запер дверь и принялся перерывать сундуки в поисках старой одежды, чтобы разрезать её на лоскуты!

На самом деле, увидев утром, как брат одевает яйцо, он сам захотел попробовать. Но при людях он бы на это не решился, а вот втайне — почему бы и нет?

Посреди ночи, когда Ло Чэнжэнь крепко спал, нефритовый ёкай с маленькими черными коготками высунулся из-за его воротника. Осторожно, чтобы не разбудить хозяина, он вытащил нефритовое яйцо, зажал его в лапках и, крадучись, потащил в угол кровати.

Месяц назад он очнулся и с ужасом обнаружил, что попал в царство яиц.

Комната была заставлена нефритовыми яйцами всех размеров, одетыми в нелепые наряды. У каждого было свое выражение лица, и он чуть не решил, что попал в безумный мир.

А его дорогой партнер увлекся резьбой и наряжением кукол. Даже на его собственном панцире была нарисована улыбка.

В такой неловкой ситуации ему оставалось лишь притворяться спящим. Но время шло, и ему становилось всё труднее признаться: партнер не только каждый день менял ему наряды, но и, когда они оставались одни, расставлял его и фотографировал на память.

Столько постыдных воспоминаний — как он мог признаться партнеру, чьи вкусы становились всё более странными?

И ещё одно: партнер уделял всё больше внимания этим яйцам. Это выводило его из себя.

Если бы не страх быть разоблаченным, он бы уничтожил все эти яйца! Никто не смеет красть внимание его партнера, даже игрушки!

Раз уничтожить их нельзя, он каждый день выбрасывал их, а потом для верности топтал ногами.

Как раз когда ёкай собирался бросить яйцо, над головой раздался вздох:

— Сяо И, ты не думал выбрасывать их чуть дальше?

Голос заставил ёкай замереть, нефритовое яйцо выскользнуло из лапок и едва не упало ему на ногу.

Ло Чэнжэнь ловко поймал яйцо, а затем, с замиранием сердца, взял ёкай на ладонь и начал осматривать:

— Ты как? Не ушибся? Больно?

Ёкай, не в силах поднять взгляд на Ло Чэнжэня, опустил голову и покачал ею. Его застали за плохим делом, ему было стыдно.

Убедившись, что тот цел, Ло Чэнжэнь успокоился и решил свести счеты:

— Ты проснулся. Почему не сказал? Ты хоть представляешь, как я волновался?

Он понял, что Сяо И очнулся, уже полмесяца назад. Тот постоянно выбрасывал его работы, и если бы он, при его-то мастерстве, ничего не чувствовал, то грош цена была бы его способностям.

<http://bllate.org/book/21674/2235989>